

**Понятие «страны-изгой» в работах Э. Тоффлера и Н. Хомского
(сравнительный анализ)**

Содержание

Введение.....	3
1. Понятие «страны-изгой» в геополитике	4
2. Подход к понятию «стран-изгоев» в работе «Эра смещения власти» Э. Тоффлера	14
3. Критика понятия «стран-изгоев» Н. Хомским.....	17
Заключение	20
Список использованной литературы.....	21

Введение

Современная система международных отношений постоянно трансформируется.

Растет количество государств, которые не соответствуют классической модели территориального, национального государства модерна. С одной стороны, это государства, которые обладают только «негативным» суверенитетом и не способны в силу различных причин выполнять основные управленческие функции на своей территории. С другой стороны, от классического государства модерна отходят и страны Европейского Союза, которые добровольно передают часть своих суверенных функций, особенно в экономической сфере, надгосударственным институтам и внутригосударственным регионам. Особую группу составляют так называемые государства-изгои.

Несмотря на то, что эти государства обладают характеристиками модерна, они добровольно ставят себя вне нормативных рамок международного сообщества. В целом, растущее многообразие государств создает дополнительные проблемы для координации политики и выработки общего видения и способов решения глобальных проблем.

Политика возникает при различении «друзей» и «врагов», политическое сообщество существует лишь в том случае, если знает своих «врагов» и готово, в крайнем случае, на физическое самопожертвование в борьбе с ними. Определение образа «врага» или «другого» является, во-первых, сущностно политическим актом и, во-вторых, необходимо для возникновения политического сообщества как такового. Изучение «другого» в мировой политике является настолько же необходимым занятием, как и анализ политических сообществ самих по себе. При этом игнорирование «другого» не позволяет полностью раскрыть содержание политического сообщества.

В работе на примере геополитических исследований мы постараемся определить, в отношении какого политического сообщества, так называемые государства-изгои функционируют в качестве «другого». Значимость именно государств-изгоев как основных субъектов воспроизведения роли «другого» в мировой политике объясняется тем, что они являются признанными, суверенными государствами. Государство в роли «другого» влияет на систему мировой политики, ключевыми элементами которой по-прежнему служат государства, в большей степени, чем в случае, если эту роль исполняют негосударственные акторы. Изучение «других» позволит более ясно увидеть, что есть «мы», где проходит граница между «ними» и «нами», и что именно служит этой границей.

1. Понятие «страны-изгои» в геополитике

Термин «государства-изгои» возник в конце 1980-х - начале 1990-х годов во внешнеполитическом дискурсе США. Активно он стал использоваться при первой администрации Б.Клинтона, которая, согласно М. Клэру, стремилась убедить американский Конгресс и международное сообщество в целом, что вместо распавшегося СССР новой угрозой международному миру является узкая группа государств, стремящихся к созданию ядерного оружия, поддерживающих международный терроризм и нарушающих права человека. М.Олбрайт, будучи госсекретарем США, определила государства-изгои как «страны, которые не просто не являются частью международной системы, но сама природа которых требует от них находиться вне этой системы и, буквально, стремиться ее уничтожить, забрасывая гранатами». В конце второй администрации Б.Клинтона произошел официальный отказ Госдепартамента от этого термина. Заменяло его понятие «проблемные государства». Однако администрация Буша-мл.

вернула после трагедии 11 сентября термин «государства-изгой» в свой лексикон, объединив именуемые таким образом страны в мировую «ось зла».

На протяжении всего периода активного использования этого термина в категорию изгоев попадали такие страны, как Иран, Ирак, Северная Корея, Ливия, Куба, Сирия. Полностью выйти из этого «клуба» удалось только Ираку (насильственно) и Ливии (по своей воле). Сегодня этот термин используется главным образом по отношению к Ирану и Северной Корее. При этом следует отметить, что Пхеньяну удалось в октябре 2008 г. убедить Вашингтон в обмен на доступ инспекторов МАГАТЭ к объектам своей ядерной программы вычеркнуть КНДР из списка государств, поддерживающих терроризм, что де-юре выводит Северную Корею из категории «изгоев»¹.

Анализировать государства-изгой можно только в рамках нематериалистических парадигм, таких как конструктивизм, историческая социология, либерализм, английская школа международных отношений. С точки зрения материалистических теорий, основным представителем которых является реализм, все государства функционально равны между собой. Среди них не может быть особой группы, находящейся вне общей системы. Именно поэтому К. Уолтц исключил государство из своей системной теории. Функциональное равенство государств означает, что их внутренние особенности, характер их режима и поведения не могут стать причиной системных изменений в мировой политике. Несмотря на внутренние различия, все государства, согласно реалистам, вынуждены под давлением анархии в конечном итоге вести себя одинаково.

С другой стороны, реалисты рассматривают систему государств преимущественно в механистических терминах. Государства создают, по их мнению, систему в случае регулярного взаимодействия друг с другом и в той степени, в какой это взаимодействие определяет поведение каждого

---

¹ Вартамян А.М. Иностранные инвестиции в Исламской республике Иран: законодательное регулирование и практика. // *Ближний Восток и современность: Сборник статей*, вып. 25. М. 2005.

отдельного государства. Нормы и институты если и играют какую-либо роль в мировой политике, то эта роль, с точки зрения реалистов, сводится к промежуточной переменной, находящейся между импульсами со стороны анархичной системы и поведением государств. Они могут только сдерживать или усиливать влияние этих импульсов, но полностью нивелировать или качественно преобразовать их им не под силу. Внесистемное существование государства, следуя логике реалистской парадигмы, означает его полную изоляцию, отсутствие каких-либо физических контактов с другими государствами.

С этой точки зрения относительно внесистемным государством может быть названа только Северная Корея как одно из наиболее изолированных государств на планете. Тем не менее, даже в этом случае изоляция не достигает абсолютного предела. Формально КНДР имеет дипломатические отношения более чем со 160 странами мира и входит более чем в 200 международных организаций. Социально-экономическая зависимость Северной Кореи от международной гуманитарной и экономической помощи, угроза ядерной программы Пхеньяна и проблема объединения Корейского полуострова неизбежно приводят к «механическим» (по крайней мере) контактам КНДР с заинтересованными государствами. Кроме того, на глобальном уровне Пхеньян сыграл ключевую роль в распространении ракет и ракетных технологий в такие страны, как Иран, Ирак, Пакистан, Сирия, Ливия, ОАЭ.

Функциональная значимость государств-изгоев для международного сообщества включает в себя несколько аспектов. Во-первых, санкции против этих государств конкретизировали для международного сообщества важность негативного отношения к распространению ОМУ и ракетных технологий, а также к поддержке международного терроризма. Опасность следовать этим нормам обозначилась особенно убедительно после вторжения США в Ирак под предлогом уничтожения ядерного оружия, которым якобы обладал режим С.Хусейна. Несмотря на последующую фальсификацию этого

предлога, Ливия, которая также находилась в списках государств-изгоев, отказалась от своей ядерной программы и позволила инспекторам МАГАТЭ вывести всю связанную с ней документацию. Во-вторых, государства-изгои очерчивают внешнюю границу международного общества. Система институтов международного сообщества образует единое поле интересубъективности, границами которого выступают режимы-изгои, которые не интернализировали ключевые нормы этого сообщества. В-третьих, рассматриваемые государства выполняют функцию объекта тестирования различных форм расширения международного сообщества: с помощью вовлечения, сдерживания или смены режима. Они представляют собой наиболее сложный, а значит, и наиболее показательный тестовый материал. До конца 1990-х годов США проводили политику сдерживания Ирана, Ирака, Ливии и старались умиротворить Пхеньян Рамочным соглашением от 1994 г. В конце 1990-х годов обозначились попытки Вашингтона перейти к политике вовлечения Ирана и занять более жесткую позицию в отношении Ирака. С приходом к власти администрации Дж. Буша-мл. США взяли курс на смену режимов в государствах «оси зла». Даже в конце второго президентского срока Буша угроза американской или израильской военной кампании против объектов ядерной программы Ирана сохранялась на высоком уровне. Администрация Б.Обамы с первых месяцев своего правления проводит политику вовлечения проблемных государств в международное сообщество.

Европейский Союз как один из наиболее активных участников формирования, распространения и интерпретации норм международного сообщества занял иную позицию в отношении проблемных государств, чем американцы. Во-первых, страны ЕС изначально отказались демонизировать рассматриваемые государства и навешивать на них ярлык изгоев. Вопреки политике США и под угрозой экономических издержек от американских санкций европейские компании не прерывали свое сотрудничество с Ираном и Ираком. Эту же позицию заняла и Россия. В отношении Северной Кореи

США и европейские державы придерживаются, в целом, единой позиции, ориентируясь на достижение прогресса в рамках шестистороннего переговорного процесса.

Важно отметить, что из-за различия в позициях между США и Европой в отношении методов решения вопросов, связанных с проблемными государствами, государства-изгои не выполнили функцию консолидации международного сообщества вокруг единых, разделяемых всеми норм. Напротив, эти вопросы скорее вносили раскол, чем единство в трансатлантическое сообщество. Вторжение США в Ирак вызвало противоречия даже внутри ЕС.

В основе системы мировой политики находятся институты, определяющие как ее структурный, так и процессуальный аспекты. Институты в данном случае мы рассматриваем как «относительно устойчивые совокупности связанных между собой конститутивных, регулятивных и процедурных норм и правил, относящихся к международной системе, акторам этой системы (государства и негосударственные акторы) и к их деятельности. Международные институты находятся между собой в иерархических отношениях. Одни институты являются производными других. Ряд исследователей постарались определить иерархию международных институтов, конституционную структуру мировой политики. Фундаментальные или первичные институты К.Ройс-Смит понимает как элементарные нормы и правила, вырабатываемые государствами для решения проблем координации и сотрудничества в условиях международной анархии. Б.Бузан, однако, утверждает, что эти институты формируются помимо воли отдельных государств. Первичные институты, с его точки зрения, имеют системную природу, являются продуктом развития системы, а вторичные институты возникают в результате различных межгосударственных договоренностей.

Очевидно, что совокупность первичных институтов и множество производных от них вторичных институтов образуют различные уровни

мирополитической системы. В основе политической модели мира находятся первичные институты, а вторичные институты образуют базу международного сообщества. *Международное сообщество*, согласно Х.Буллу и А.Уотсону, - это «группа государств, которые не только образуют систему в том смысле, что поведение каждого государства является необходимым фактором в определении политики остальных государств, но и установили посредством диалога и консенсуса общие правила и институты для регулирования своих взаимных отношений, а также видят общий интерес в поддержании этих договоренностей. Различная скорость изменчивости этих институтов приводит к тому, что одна и та же модель мира может служить конститутивными рамками для различных форм международного сообщества. Так, Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская системы международных отношений существовали в рамках общей для них Вестфальской модели мира. Теоретически не исключена вероятность одновременного существования сразу нескольких международных сообществ.

Воспроизводят ли государства-изгои первичные институты Вестфальской системы мира национальный суверенитет, территориальность и *raison d'etat* (национальные интересы). Постараемся ответить на этот вопрос на примере Ирана и Северной Кореи, классических представителей «государств-изгоев».

Очевидно, что Иран и Северная Корея являются территориальными государствами. Из четырех видов суверенитета, выделенных С.Краснером, - взаимозависимости, внутреннего, вестфальского, международно-правового - оба эти государства обладают всеми четырьмя. Признаками обладания Ираном и Северной Кореей международно-правовым суверенитетом являются признание их всеми государствами, участие в международных организациях, а главное - членство в ООН.

Вестфальский суверенитет означает легитимное право правительства самостоятельно принимать решения по управлению государством. Это не

означает отсутствие внешнего влияния на процесс принятия решений со стороны различных заинтересованных акторов. Внешнее давление может быть чрезвычайно высоким, что не отменяет для правительства свободу выбора, но лишь сужает возможный коридор решений. Противоположностью вестфальского суверенитета является колониальная форма правления. Колония не обладает вестфальским суверенитетом, так как метрополия осуществляет прямое управление ею. Ни Иран, ни КНДР не являются колониями и в этом смысле обладают вестфальским суверенитетом.

Внутренний суверенитет так же присущ Ирану и Северной Корее, как и другим современным функциональным государствам. Его содержанием является верховенство издаваемых органами государственной власти законов и распоряжений, а также право и способность этих органов применять легитимное насилие внутри государственных границ.

Суверенитетом взаимозависимости, способностью органов государственной власти контролировать все потоки товаров, людей и информации, пересекающих государственные границы, полностью не обладает, по мнению С.Краснера, ни одно государство. Тем не менее, власти Северной Кореи демонстрируют высокую эффективность контроля информационных потоков, пересекающих границы КНДР². Правительство обладает здесь абсолютной монополией на информацию. Ему удалось добиться практически полной информационной герметичности страны. Иностранная литература поступает в крупнейшие национальные библиотеки, но доступ к ней чрезвычайно ограничен даже для специалистов. При этом запрет также наложен и на свободный доступ к северокорейским изданиям старше 10-15 лет, чтобы люди не могли там прочитать что-нибудь, несоответствующее конъюнктуре. Наиболее демократичный и традиционный способ получения альтернативной информации - радио - контролируется

---

² Ланьков А. 2009. Северная Корея — вчера, сегодня, завтра. Передача первая: «Мозамбик с атомной бомбой». Радиопередача «Разница во времени». — Радио Свобода, 14.03.2009. — <http://www.svobodanews.ru/content/Transcript/1510732.html>

властями особо. Вместо того, чтобы глушить «империалистические» волны, они просто запретили продажу радиоприемников со свободной настройкой. При покупке каждый радиоприемник регистрируется, владение приемником незарегистрированным или с измененной настройкой грозит его хозяину жесткими санкциями.

Пхеньян только в 2004 г. направил официальный запрос в корпорацию ICANN по выделению в сети Интернет доменного имени для КНДР (.kp; Korea, Democratic People's Republic). Корпорация отклонила этот запрос, ссылаясь на недостаток технических и управленческих возможностей КНДР. Тем не менее, 11 сентября 2007 г. ICANN опубликовала распоряжение о присвоении по рекомендательному заключению доклада IANA (Internet Assigned Numbers Authority) Северной Корее доменного имени .kp. Таким образом, до 2007 г. КНДР обладала абсолютной границей для информационного пространства Интернет.

Власти Ирана, несмотря на стремительно увеличивающееся число интернет-пользователей среди своих граждан, также стараются максимально контролировать информационные потоки, пересекающие национальные границы. Согласно исследованию интернет-цензуры в Иране, проведенному международной некоммерческой исследовательской организацией «The Open Net Initiative», эта страна, наряду с Китаем, занимает лидирующие позиции в мире по применению наиболее совершенных методов цензурирования своего сегмента интернет-пространства. При этом количество интернет-пользователей в Иране, согласно данному исследованию, выросло с 1 млн. в 2001 г. до 5 млн. в 2005 г. (в 2011 г. ожидается 30 млн. пользователей). Успехи Ирана в цензурировании своего сектора интернет-пространства не означают, что он неуязвим с точки зрения суверенитета взаимозависимости. Тем не менее, уровень данного вида суверенитета у государств, изолирующих себя, неизбежно будет выше, чем у государств, которые активно участвуют в процессах экономической глобализации.

В отличие от Пхеньяна, Тегеран стремится усилить свою интеграцию в глобальную экономику. Несмотря на прочные позиции четвертой страны по объемам добываемой в мире нефти и второй - по подтвержденным нефтяным, Иран испытывает проблемы с привлечением иностранных инвестиций. Преградой для иностранных финансовых вливаний в нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий сектора иранской экономики служат односторонние американские санкции. В отношении международно-правового, внутреннего и вестфальского видов суверенитета Иран не отличается от вестфальских государств. Правительство в Тегеране имеет свое представительство в Генеральной Ассамблее ООН, способно объявлять чрезвычайное положение на территории Ирана и не находится в колониальной зависимости от любого другого правительства. , Обратимся теперь к рассмотрению вопроса о следовании Ирана и Северной Кореи в своей международной деятельности принципу *raison d'etat*. Пожалуй, трудно спорить с тем, что идея, согласно которой цель оправдывает любые средства, как нельзя лучше описывает внешнеполитическое поведение государств-изгоев³.

Желание Ирана получить возможность создавать ядерное оружие связано, по крайней мере, с двумя обстоятельствами. Во-первых, Тегеран стремится таким образом гарантировать безопасность своего режима. США сменили режим в Ираке, у которого не было ОМУ, но не рискуют проделать это с Северной Кореей, которая обладает таким оружием. Несмотря на то, что, по мнению многих экспертов, военный вариант решения ядерной проблемы в случае с Ираном невозможен, Тегеран резонно опасается «хирургического» вмешательства со стороны Израиля. Наличие у иранского режима возможности в случае реальной угрозы быстро создать ядерную бомбу может удержать Израиль от подобного вмешательства. Кроме того, ядерная программа Ирана питается чувствами национализма. Статус ядерной

---

³ Харкевич М.В. Внесистемность «государств-изгоев»: реальность или риторика? //Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». – 2009, № 1/09.

державы является ценным инструментом легитимации режима и усиления национальной гордости. Тем более Иран формально не нарушает ДНЯО, которое предоставляет ему право на развитие мирной ядерной энергетики под присмотром МАГАТЭ.

Формальное исключение КНДР из категории изгоев не означает гарантий безопасности. Пхеньян решил добиваться новых уступок со стороны Вашингтона с помощью уже опробованного метода - ядерного шантажа. Проблемы с реализацией достигнутых соглашений возникли всего через неделю после победы на президентских выборах в США Б.Обамы. Первый акт шантажа, продемонстрированный новоизбранному президенту, был связан с тем, что Пхеньян запретил инспекторам брать пробные экземпляры почвы, воздуха и ядерных отходов, анализ которых необходим для определения количества накопленного плутония. Отказ КНДР на декабрьских переговорах 2008 г. в Пекине от любых систем верификации процесса остановки обогащения урана, заявление о сохранении ядерной программы до тех пор, пока не исчезнет угроза со стороны США, и, наконец, решение провести испытания баллистической ракеты под предлогом запуска спутника связи вновь сделали Северную Корею объектом всеобщего внимания. Тем не менее такого рода шаги, по мнению наблюдателей, указывают на готовность Пхеньяна к дальнейшим переговорам по ядерной программе в обмен на новые уступки со стороны Вашингтона. Подтверждается это и тем, что КНДР резко охладила отношения с Южной Кореей после победы там консервативно настроенного Ли Мен Бака. Это излюбленная тактика Пхеньяна - «открыть двери перед американцами, захлопнув их для южнокорейцев, и наоборот».

Проанализировав Иран и Северную Корею с точки зрения соответствия их международного поведения трем фундаментальным институтам Вестфальской модели мира - территориальности, суверенитету, примату интересов государства, можно сделать вывод, что рассматриваемые государства воспроизводят указанные институты в своем поведении.

Особенно это относится к институту *raison d'etat*. Правящие режимы в государствах-изгоях ставят свои интересы выше иных интересов, норм и институтов. Следовательно, Иран и Северная Корея являются изгоями только по отношению к вторичным институтам, составляющим современное международное сообщество государств во главе с развитыми странами Запада.

2.Подход к понятию «стран-изгоев» в работе «Эра смещения власти»

Э.Тоффлера

В социальном и политическом дискурсе рубежа XX-XXI вв., в ситуации, когда социокультурная эволюция обнаруживает всю открытость, а в общественное сознание входят идеи, отражающие новую парадигму человеческого бытия, - обнаруживает себя новое толкование проблемы власти. Это новое толкование (интерпретация) обусловлено рядом причин, одной из которых является становление информационной социальности, в пространстве которой информация превращается в смыслообразующий фактор эволюции современной культуры.

Э. Тоффлером отмечено существенное в этом смысле обстоятельство: мир перешагнул тот порог, за которым наступает эра смещения власти, за которым существовавшие ранее властные структуры «распадаются»; и если в ситуации доинформационной социальности доминировали такие факторы власти, как насилие и богатство, в информационном обществе как обществе знания знание и информация превращаются в доминирующий фактор власти; аналитики дискутируют вопрос о власти знания и информации в процессе трансформации современной культуры, о «смещении власти» от центра к ее «микрופизике», о социокультурной трансформации власти знания. При этом анализу подвергаются такие проблемы, как социокультурные последствия трансформации знания, роль и значение информационных коммуникаций в процессе «смещения власти». Концептуально оформилась и

исследовательская позиция критической социологии, где также осуществляется реинтерпретация информационного общества, прослеживаются его технологические, социальные аспекты, и сами исследования общества знания (Knowledge-based Society) обретают культурфилософскую заданность. Именно это последнее утверждение существенно для ситуации, когда исследующий власть сосредоточивает внимание на характерной для аналитической литературы идее - идее перехода от гносеологической к социокультурной интерпретации. Примечательно, что само исследование социокультурных аспектов феномена власти стало возможным тогда, когда концептуальные модели информационной социальности стали базироваться на исследовании тех параметров культуры, что «трансформируют культуру в направлении интеллектуального насыщения» (Д. Белл); культурное состояние современности сказалось на специфике исследования знания и информации,- они оказываются включенными в социальный контекст, интерес аналитиков сосредоточивается на исследовании функционирования знания и информации как властных ресурсов.

В ситуации, когда структура власти проявляет свою гетерогенность и плюралистичность, локальные детерминации санкционируют появление «микрофизики власти» (М.Фуко), схватывающей различные «облака социальности» (Ж.-Ф. Лиотар) и иницирующей появление государства, где единая административная власть как власть центра «рассыпана» по отдельным периферийным сферам («микрофизика»). Культура современности - это культура непрерывной динамики, маргинальных пересечений, локальных детерминаций. В условиях подобной культуры власть уже не связывает себя с началом, сосредоточивающим всю полноту знания - устойчивого и абсолютного. Устойчивого и абсолютного в информационной культурной действительности больше не существует. Знание превратилось в информацию, потоки которой постоянно меняются. Именно поэтому трансформируется характер социальной структуры власти: она, как было отмечено, также становится гетерогенной и плюралистичной.

Под влиянием социокультурной власти информационного знания современная культура обнаружила происходящий в ней процесс радикальной модернизации; в культуре проблематизируется план сближения знания и власти: знание расширяет гносеологическое значение и содержание и, обеспечивая функционирование всех структур социальности, приобретает социокультурный характер. Очевидной становится утрата властного значения экономики, формируются вопросы власти знания и образования, наполненности труда интеллектуальным началом, трансформации статуса научного знания. Осуществившееся «смещение власти» от экономики к знанию формирует новые сферы культурной жизни, и те слои социальности, которые обретают новые стартовые характеристики и обретают значение оверстратов; так формируется оверстрат интеллектуалов, воплощающий и материализующий власть знания.

Следует отметить немаловажную деталь, связанную с процессом деконструкции философии и культуры в целом. Дело в том, что именно деконструктивистские процессы приводят к смещению истинного знания с центральной позиции; возникает плюрализм смыслов: через введение проблемы ситуативности, локальности, контекстуальности, лингвистичности обоснования истины легализуется возможность ее гетерогенности, о чем пишут аналитики, работающие в парадигме феноменологической философии, герменевтики, экзистенциализма. Примечательно, что власть знания в информационном обществе формировалась из властной силы истины, именно последнее присуще гносеологической установке классической философии, что явилось культурфилософским основанием расширения этой власти до социокультурного плана в информационном обществе и породило социокультурные следствия этого процесса. Утрата власти единой истины как задающей содержание и структуру научного знания и обеспечивающей единство стиля научного мышления, идеалов и норм науки, деконструкция стиля мышления, ориентированного на «начало», «субстанцию», формировали методологический резонанс в различных об-

ластях культуры: они также утратили необходимость быть едиными и центрированными вокруг субстанции.

Тоффлер писал «о новом мировом порядке» с предложением заменить устаревший, «территориальный» суверенитет более гибким – функциональным, которое бы расчистило идеологическое поле для установления экономической и информационной диктатуры мировой капиталократии. «Глобализация» призвана придать некую «нейтральную упаковку» происходящему процессу неэкономической и духовно-информационной колонизации⁴.

Тоффлер с восторгом принял «войну в Заливе», которую провели в качестве операции «Буря в пустыне» Д. Буш и М. Тэтчер в 1991 г. Такая высокая оценка интервенции НАТО как величайшей военной победы содержится у Тоффлера в ряде его работ.

Тоффлер оценил эту войну как первую войну «Третьей волны» (постиндустриального, информационного общества) против индустриальных обществ «Второй волны». Сама идея войны между постиндустриальными нациями США, Западной Европы и Японии и индустриальными нациями «Второй волны», а также против доиндустриальных стран Третьего мира сравнивается с колониальными войнами XIX в. и начала XX в., проводимыми Англией и другими колониальными державами против народов Африки и удаленных уголков так называемого нецивилизованного мира.

Таким образом, подход Тоффлера означает оправдание существования государств-изгоев с политической позиции.

3.Критика понятия «стран-изгоев» Н.Хомским

---

⁴ Тоффлер, Э. Эра смещения власти М: ООО «Издательство АСТ», 2006. – С.252

Ноам Хомский – всемирно известный левый интеллектуал, чьи книги направлены, в первую очередь, на обличение империалистской политики Соединенных Штатов и их ближайших союзников.

Хотя книга «Государства-изгои» и вышла в России еще в 2003-м году, однако она не утратила своей актуальности. Нынешний мировой экономический кризис позволяет острее воспринимать многое описанное в ней. Современный мир имеет двойное деление. Кризис бьет не просто по общественным группам, но и по целым регионам планеты.

Россия экономически давно утратила лидирующие позиции в развитии, но в военном отношении пока еще играет заметную роль в мировой политике (в первую очередь за счет наличия стратегических ядерных вооружений), правда с каждым днем эта роль становится менее существенной. Так и с Соединенными Штатами: экономическое лидерство уходит. Все важнее становятся рынки Юго-Восточной Азии и конкретно Китая (у которого правда хватает своих внутренних проблем), но военная гегемония пока за ними сохраняется.

Говоря о Соединенных Штатах Америки, Хомский подчеркивает элитаристское мышление политической и экономической элиты: ведущие круги США воспринимают внешнеполитические интересы своего государства до такой степени первостепенными, что не считают нужным обращать серьезное внимание на позиции таких структур как ООН и даже ВТО, если их воля противоречит политике Белого Дома.

По мысли Ноама Хомского главными государствами-изгоями являются такие страны как США, Великобритания, Израиль. В первую очередь, конечно, Соединенные Штаты, как единственная на сегодня сверхдержава.

При этом крайне ошибочно и неадекватно говорить об империализме США, игнорируя внутреннюю ситуацию в этой стране. Так можно впасть в однобокий и недалекий антиамериканизм. В реальности значительная часть американцев выступает против военных операций в Ираке и Афганистане, однако здесь немалую роль играет фактор «11 сентября», который описал в

своей книге «Где моя страна, чувак?» Майкл Мур. Режиссер и публицист называет Штаты «Соединенными Штатами Запуганных». Благодаря охватившему страну страху правящие круги смогли с легкостью навязать свою политику рядовым гражданам⁵.

Существует политическая легенда, что в 1939-м году Франклин Рузвельт сказал о никарагуанском диктаторе Сомосе: «Сомоса может быть и сукин сын, но это наш сукин сын». Подтверждений этой легенды, насколько известно нет, но этот принцип отражает суть внешней политики США. Так было с Саддамом Хусейном, так было и с некоторыми другими диктаторскими режимами. Вашингтон и Лондон содействовали политике Иракского диктатора вплоть до 1991-го года, в том числе использованию его войсками «цианида, нервно-паралитического газа и других варварских видов оружия». Зато когда «сукин сын» стал не нужен, то Саддама прировняли к исчадиям Ада. А для борьбы с «Дьяволом» все средства стали хороши: хороши настолько, что введенный против Ирака режим экономической блокады ударил не по режиму Саддама (до начала второй Иракской войны), а по гражданскому населению.

Неолиберализм (которому Хомский посвящал одну и своих книг – «Прибыль на людях») и военная гегемония (тема, присутствующая в большинстве книг автора, среди которых из ранее вышедших стоит отметить «Новый военный гуманизм: Уроки Косово») – это те «слоны» на которых держится могущество США в современном мире. Страх перед террористической угрозой позволяет американским элитам после 2001-го года заниматься своими делами, не обращая особого внимания на внутреннее недовольство (недовольство в других странах их традиционно мало интересует). В США от 30 до 40 миллионов человек считаются бедными (по меркам Соединенных Штатов). До 30% процентов бедных американцев подвергаются каждый год выселениям из своего жилья, их лишают доступа к тем или иным коммунальным услугам, часть из них и вовсе голодает, и до

---

⁵ Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос 2003 – С.133

40% из-за невозможности оплачивать собственное жилье живут у родственников или в том, что жильем назвать трудно.

По Хомскому, государства-изгои играют роль «другого» именно для международного сообщества, организованного вокруг развитых государств Запада. Эта роль во многом конституирует идентичность, интересы и поведение государств-изгоев. С другой стороны, рассматриваемые государства являются неотъемлемой частью идентичности самого международного сообщества. Они более явно конкретизируют неприемлемое поведение и тем самым укрепляют присущие ему нормы, очерчивают пределы распространения этих норм и указывают на возможные дефекты в работе социализирующих институтов. И, наконец, политика международного сообщества в отношении этих стран определяет характер распространения самого этого сообщества: через ассимиляцию «других» или их исключение.

Заключение

«Страны-изгои» — неточный, но утвердившийся в российских СМИ перевод термина-определения *rogue states* (буквально — «государства-негодяи»), политического клише, применяемого в американской политической фразеологии для обозначения государственных (политических) режимов, которые рассматриваются американским руководством как враждебные и представляющие угрозу миру.

Содержание этого определения раскрывается, в частности, в документе «Стратегия национальной безопасности. Сентябрь 2002 года».

Страны-изгои (англ. *rogue states*) — это те страны, которые с точки зрения американского правительства:

- жестоко обращаются с собственным народом, разбазаривают национальные ресурсы ради личной выгоды правителей;

- демонстрируют неуважение к международному праву, угрожают соседям, хладнокровно нарушают подписанные международные соглашения;
- пытаются получить доступ к оружию массового поражения и иной передовой военной технологии для использования в качестве угрозы или реальной агрессии;
- оказывают помощь терроризму в глобальном масштабе;
- отвергают базовые человеческие ценности.

Согласно Э.Тоффлеру, понятие государств-изгоев имеет не механические, а нормативно-институциональные основания. Именно нарушение этими государствами определенных норм - участие в распространении ядерного и ракетного оружия, поддержка международного терроризма и нарушение прав человека — делает их особыми. Поэтому анализ данного феномена должен основываться на теориях, для которых нормативно-институциональная проблематика является центральной.

Критики внешней политики США, как Ноам Хомский и Жак Деррида, утверждают, что эта формулировка носит пропагандистский и империалистический характер.

Список использованной литературы

1. Вартамян А.М. Иностранные инвестиции в Исламской республике Иран: законодательное регулирование и практика. // *Ближний Восток и современность: Сборник статей*, вып. 25. М. 2005.
2. Ланьков А. 2009. Северная Корея — вчера, сегодня, завтра. Передача первая: «Мозамбик с атомной бомбой». Радиопередача «Разница во времени». — Радио Свобода, 14.03.2009. — <http://www.svobodanews.ru/content/Transcript/1510732.html>

3. Тоффлер, Э. Эра смещения власти М: ООО «Издательство АСТ», 2006.
-776 с.
4. Харкевич М.В. Внесистемность «государств-изгоев»: реальность или риторика? //Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». – 2009, № 1/09.
5. Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос 2003 – 332 с.